

> МАГИСТРАЛЪ >

P. Chr. Asbjørnsen.

Петер Кристен Асбьёрнсен

(1812–1885)

ПЕТЕР АСБЪЁРНСЕН

Норвежские сказки

Москва

УДК 398.21(=113.5)
ББК 82.3((4Нор)-6
А90

Перевод с норвежского
Анны Ганзен и Петра Ганзена

Художественное оформление серии
Натальи Портяной

Асбьёрнсен, Петер Кристен.
А90 Норвежские сказки / Петер Асбьёрнсен ; [перевод с норвежского А. Ганзен и П. Ганзена]. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с. : ил.

ISBN 978-5-04-216584-9

Норвежские сказки — это путешествие в мир суровых фьордов, темных лесов и заснеженных гор, где незримо присутствует дух древней Скандинавии. Вы встретите горных троллей, с которыми опасно шутить, и мудрых принцесс, чья красота не уступает уму. Здесь простой пастух может одолеть великана, а находчивый мальчик — заключить сделку с дьяволом и остаться в выигрыше.

Сказки изданы в XIX веке Петером Асбьёрнсенем и Йоргоном Му — собирателями народных преданий и хорошими друзьями из Христиании (ныне Осло). Их имена неотделимы от национального норвежского фольклора, так же как имена братьев Гримм — от немецких сказок.

Сказки перевели на русский язык супруги Анна Васильевна Ганзен (1869–1942) и Петр Готфридович Ганзен (1846–1930). Рисунки к текстам нарисовали норвежские художники Петер Николай Арбо (1831–1892), Эрик Теодор Вереншёлль (1855–1938), Ханс Фредрик Гуде (1825–1903), Карл Рейнгольд Калмандер (1840–1922), Теодор Северин Киттельсен (1857–1914), Винсент Столтенберг Лерхе (1837–1892), Ялмар Эйлиф Эммануэл Петерссен (1852–1928), Отто Людвиг Синдинг (1842–1909), Адольф Тидеманд (1814–1876) и Герхард Август Шнайдер (1842–1873).

УДК 398.21(=113.5)
ББК 82.3((4Нор)-6

ISBN 978-5-04-216584-9

© Издание на русском языке, оформление.
«Издательство «Эксмо», 2026

ПРЕДИСЛОВИЕ

В виду того интереса, который возбуждает у нас в последние годы норвежская литература, является своевременным ознакомить русскую публику с народными норвежскими сказками, игравшими столь важную роль в истории развития молодой литературы норвежцев и признанными за «лучшие из существующих народных сказок» таким знатоком и ценителем этого рода народной литературы, как знаменитый собиратель немецких народных сказок Якоб Гримм.

Своим сохранением для потомства благодаря включению в письменную литературу народа норвежские сказки и народные предания и поверья обязаны двум друзьям, имена которых и останутся незабвенными в общей истории Норвегии, П. К. Асбьёрнсену и Й. Му.

Оба они по самому происхождению своему с детства стояли близко к миру народной поэзии, сжились с ним и впоследствии посвятили почти всю свою жизнь делу воспроизведения этого мира в родной литературе на пользу и оживление ее, а вместе с тем и на пользу лучших умственных сил народа, воспитывавшихся до тех пор на иностранных образцах.

A handwritten signature in cursive script, which reads "Jørgen Moe". The signature is written in dark ink on a white background.

Йорген Энгебретсен Му

Петер Кристен Асбьёрнсен, сын простого ремесленника, родился в Христиании в 1812 г. († 1885 г.), вырос в атмосфере, насыщенной сказками, преданиями и поверьями, — мать его была чрезвычайно суеверна, верила в привидения, в леших, гномов и пр. сверхъестественные существа. В то время вообще все низшие классы населения, даже в столице, были поголовно заражены суеверием. Асбьёрнсен рассказывает, например, в своих воспоминаниях, что в одном знакомом ему семействе нарочно ложились спать несколькими часами раньше других людей, «чтобы не беспокоить домового».

Много обогатилась также память Асбьёрнсена всякими преданиями и поверьями во время его охотничьих и рыболовных экскурсий, которым он отдавался с такой страстью подростком. Готовясь в университет, Асбьёрнсен познакомился с Му, подружился с ним, и дружба эта стала еще теснее, когда их связало общее увлечение собиранием и записыванием памятников народной поэзии и суеверий. Окончив университет и живя домашним учителем в провинции, Асбьёрнсен все свободное время бродил по окрестным селениям, пополняя свои материалы.

Энергичная, простая и благодушно-располагающая к себе личность собирателя, о котором датский писатель Гольдшмидт отзываясь, что «стоило увидеть его, чтобы прийти в хорошее расположение духа», вероятно, немало содействовала словоохотливости деревенских рассказчиков и рассказчиц и их готовности делиться с Асбьёрнсенем своими сведениями по части мира оборотней и всяких духов. Те же личные качества Асбьёрнсена запечатлелись и в мастерском изложении-пересказе им собранного материала. В изданном Асбьёрнсенем в сотрудничестве с Му первом собрании народных норвежских сказок (1842 г.) ярко сквозит также присущий норвежцам вообще¹ неистощимый здоровый юмор.

Йорген Му, сын крестьянина, родился близ Христиании в 1813 г. († 1882 г.). Своеобразная красота родных мест рано залегла в его душу, и он часто вос-

¹ Как «датский Мольер» Людвиг Хольберг, так и даровитейший юморист-сатирик Йохан Вессель — оба были норвежцами по рождению.

певал ее впоследствии. Его отличительными чертами были кротость и какая-то особенная твердая, спокойная уверенность, привлекавшие к нему всеобщие симпатии. На нем как бы отразилась окружавшая его с детства величавая, мирная горная природа.

Первоначальное образование Му получил в простой народной школе; когда же блестящие способности мальчика обратили на него особенное внимание, отец решил дать ему возможность подготовиться к поступлению в университет. Как и Асбьёрнсен, Му все свое свободное время посвящал изучению народной поэзии и собиранию ее памятников.

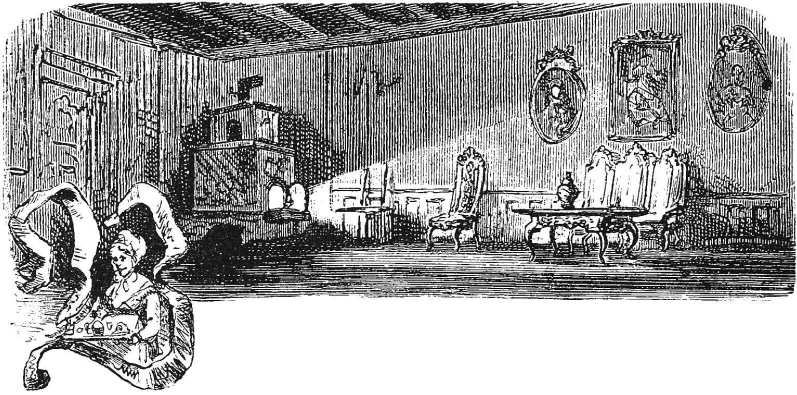
Асбьёрнсен и Му вообще так дружно работали вместе во имя любимой идеи, что заслуги их остаются нераздельными. Главное значение их труда было в том, что в нем впервые проявился неподдельный истинно национальный народный элемент, ставший сокровищницей, из которой молодая норвежская литература и стала черпать множество образов и колорит. Му справедливо высказал относительно собранных и пересказанных им с Асбьёрнсеном памятников народного творчества, что они составляют естественное развитие и продолжение древних северных саг. При ознакомлении с историей новейшей норвежской литературы значение трудов Асбьёрнсена и Му становится особенно очевидным. Изданные ими народные сказки немало содействовали пробуждению в 40-х годах в норвежцах национального чувства и стремления к утверждению в искусстве и в жизни родных народных элементов. В обществе пробудился живой интерес к народной поэзии, народной жизни и родной природе, вследствие чего и сюжеты для художественных произведений стали

черпаться из родного быта и истории. Таким образом, современная норвежская культура и в особенности литература глубоко обязаны обоим названным деятелям, и недаром такой крупный представитель современной норвежской литературы, как Бьёрнсон, высказал при чествовании Асбьёрнсена в 1870 г.: «Не будь тебя, немного бы вышло из меня». Эти же слова может применить к себе вся современная норвежская литература в совокупности.

Позже Асбьёрнсен издал уже самостоятельно новый сборник сказок и преданий, дышащий несколько более широким юмором, нежели первый, а затем издал «Собрание избранных норвежских сказок и преданий», которое мы и предлагаем в переводе нашим читателям. Большинство сказок этого собрания приводятся в пересказе самого Асбьёрнсена.

Сказки эти уже переведены на большинство европейских языков и везде пользуются большой любовью, о популярности же их на самой родине можно судить, помимо множества изданий, в которых они появлялись, по той готовности, с какой взялись иллюстрировать издание Асбьёрнсена лучшие художественные силы Норвегии, среди которых встречаются такие имена, как Тидеманд, Вереншёлль и Синдинг. Благодаря содействию последних, к норвежским народным сказкам приложены одни из наиболее удачнейших и ярких по замыслу и колориту иллюстраций, вообще украшающих подобные издания.

П. Ганзен

СОЧЕЛЬНИК В СТАРИНУ

Ветер свистел в ветвях старых лип и кленов, росших перед моими окнами; на улице крутила вьюга, небо совсем заволокло, и оно хмурилось так, как только может хмуриться у нас на севере декабрьское небо. И расположение моего духа было под стать погоде, хмурое. Был сочельник, первый, что мне предстояло провести вдали от родной семьи. Я, новоиспеченный офицер, надеялся было обрадовать своих стариков приездом на праздники и блеснуть перед нашими провинциальными дамами своим мундиром, но нервная горячка отправила меня в госпиталь, откуда я выбрался всего за неделю до праздников. Теперь я находился в столь восхваляемом периоде выздоровления. Я написал домой о высылке за мной Чалого и отцовской шубы, но письмо вряд ли могло дойти по назначению раньше второго дня праздников, лошади же мне можно было ожидать разве к Новому году. Товарищи мои все поразъехались из города, а знакомых семейств, где бы я мог приютиться, у меня не было. Правда, хозяйки мои, престарелые девушки, были очень радушны и лю-

безны, заботливо ухаживали за мной в начале моей болезни, но от дам этих веяло такой глубокой стариной, что молодому человеку их общество не могло быть особенно по вкусу. Все их мысли вращались исключительно вокруг прошлого, все их рассказы, опять-таки вертевшиися на прошлом города и городской жизни, всем содержанием своим и высказывавшимися в них наивными воззрениями отзывались стариной. Самый дом моих хозяек как нельзя больше гармонировал с их старомодными повадками. Это был один из старинных домов в Таможенной улице, с глубокими оконными нишами, длинными мрачными коридорами и лестницами, темными комнатами и чердаками, где невольно думалось о домовых и привидениях; словом, дом, подобный тому, а может быть, даже тот самый, который описан Морицем Хансеном в рассказе «Старуха в капоре». К этому надо еще прибавить, что круг знакомых моих хозяек был крайне ограничен: замужняя сестра да две-три скучные кумушки, вот почти и все постоянные их гости. Оживляющий элемент вносили хорошенькая девушка, дочка сестры, да несколько резвых бойких малышей, детей брата, которые вечно требовали от меня сказок и историй о привидениях.

Я пытался развлечься в своем грустном одиночестве, разглядывая людей, сновавших в эту выюгу по улице с багровыми носами и прищуренными глазами. Мало-помалу меня начала забавлять эта суета и оживление, царившие в расположенной напротив аптеке.

Дверь ни на минуту не оставалась в покое, то впуская, то выпуская народ. Слуги и посетители из простонародья, выходя на улицу, начинали иногда

изучать сигнатурки¹. Иным удавалось проникнуть в их смысл; другие продолжительным раздумьем и многозначительным покачиваньем головы давали знать, что задача оказалась слишком мудреной. Смеркалось. Я перестал уже различать лица, но продолжал вглядываться в старинное здание аптеки, его мрачные буро-красные стены, крышу щипцом, башенки с флюгерами и оконца в оловянных переплетах — памятник архитектуры времен Христиана IV. Только аптечный лебедь, служивший вывеской, по-видимому, не менялся; он и в те времена отличался такой же солидностью, как теперь: на шее золотой обруч, на ногах сапоги со шпорами, а крылья

¹ Сигнатурка, сигнатура — ярлык с копией рецепта, прилагаемый аптекой к лекарству. (*Прим. ред.*)

распростерты для полета. Я только что собирался погрузиться в созерцание пленной птицы, как меня вывел из задумчивости шум и детский смех в соседней комнате и слабый «девичий» стук в дверь моей комнаты.

После моего «войдите» на пороге показалась старшая из хозяек, иомфру¹ Метте. Присев по-старинному, она сначала осведомилась о моем здоровье, а затем с разными церемонными предисловиями и оговорками предложила не побрезговать провести сегодня вечерок с ними.

— Нехорошо вам сидеть тут, в темноте, одному, милый господин лейтенант! — прибавила она. — Не сойдете ли вы к нам сейчас же? Тетушка Скау и братнины девчурки уже здесь. Они, может быть, немножко рассеют вас; вы ведь такой охотник до веселых ребятишек!

Я последовал радушному приглашению. Когда я вошел в комнату, она была освещена только неровным дрожащим отблеском огня, пылавшего в большой четырехугольной чугунной печке с настезь открытой дверцей. Комната была очень глубока и обставлена старинной мебелью: кожаными стульями с высокими спинками и диванами, рассчитанными на кринолины. Стены были украшены масляными картинами и портретами вытянутых в струнку дам в пудренных париках, королей Ольденбургского дома и других именитых персон в латах или красных кафтанах.

¹ Девица; ныне наименование для девушек простого сословия (более изысканное наименование — фрекен), в старину же применялось ко всем незамужним женщинам вообще. (*Прим. перев.*)

— Уж извините, господин лейтенант, что мы еще не зажгли свечей! — сказала, встречая меня таким же старомодным книксеном, иомфру Цецилия, младшая сестра, которую запросто звали тетушкой Цилле. — Но ребятишки любят повозиться в сумерки у огонька, а тетушка Скау тоже не прочь поболтать в уголку у печки.

— Поболтать! Ах ты! Да ты сама бываешь радарадешенька проболтать хоть целый час в сумерках вместо того, чтобы шить при огне, а сваливаешь с больной головы на здоровую! — ответила старая, страдающая одышкой дама, которую величали тетушкой Скау.

— Ну, здравствуйте, батюшка мой, присаживайтесь к нам да расскажите нам, как живете-можете. Вы, право слово, попустили с себя жирку-то! — обратилась она ко мне и закинула голову, гордясь собственным дородством.

Пришлось рассказать о своей болезни и взамен выслушать подробное длинное повествование о ее недугах — ревматизме и одышке. К счастью, рассказ был прерван шумным возвращением ребятишек из кухни, куда они ходили в гости к старой Стине, составлявшей как бы часть домашней обстановки.

— Тетя, знаешь, что Стина говорит? — закричала одна бойкая черноглазая малютка. — Она говорит, что возьмет меня с собой на чердак отнести домовому рождественскую кашу. Я не хочу, я боюсь домового!

— Ну, Стине просто захотелось выпроводить вас. Она и сама-то, глупая, боится идти на чердак впотьмах; раз она уж до смерти напугалась домо-

вого! — сказала иомфру Метте. — Но что же вы не здороваетесь с лейтенантом, дети?

— Ах, это ты! Мы тебя не узнали! Ты такой бледный! Мы так давно тебя не видали! — наперебой закричали дети, налетая на меня всей ватагой. — Теперь ты должен рассказать нам что-нибудь забавное, ты так давно не рассказывал нам! Расскажи про Масляного козла, про Золотозуба!

Делать нечего, рассказал им и про Масляного козла, и про собаку Золотозуба, и в придачу еще несколько историй о домовых: о двух домовых, которые таскали друг у друга сено и вдруг столкнулись — каждый с ворохом чужого сена на спине, схватились, так что клочья полетели, и, наконец, исчезли в целом ворохе сена, и о домовом, дразнившем цепную собаку, пока хозяин не бросил его через мост в овин. Дети хлопали в ладоши и хохотали.

— Так ему и надо, негодному! — заявили они и потребовали новых сказок.

— Нет, вы уж очень надоедаете господину лейтенанту! — сказала иомфру Цецилия. — Теперь пусть рассказывает тетя Метте.

— Да, да, расскажи, тетя Метте! — завопила детвора.

— Не знаю право, что рассказать-то! — отозвалась иомфру Метте. — Ну да уж раз начали про домовых, так и я что-нибудь расскажу о них. Вы помните, дети, старую Карри Гусдаль, которая пекла такие вкусные лепешки и знала столько сказок и разных историй?

— Да, да! — закричали дети.

— Ну так вот, она рассказывала, что давно-давно когда-то служила в Сиротском доме. В те времена на